

КАБАНОВА С. А., НИКИФОРОВА Е. Н.

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ РАДОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С СЕРБСКИМ**

Аннотация. На материале прозы русских и сербских авторов с использованием сравнительно-сопоставительного метода рассмотрены базовые синтаксические средства выразительности, используемые для изображения эмоции радости. Исследованы факторы, обуславливающие применение авторами соответствующих средств экспрессивного синтаксиса для выражения и описания эмоционального состояния радости.

Ключевые слова: радость, эмоция, эмотивность, синтаксические средства выразительности, художественный перевод, русский язык, сербский язык.

KABANOVA S. A., NIKIFOROVA E. N.

SYNTACTIC MEANS OF JOY REALIZATION:

A COMPARATIVE STUDY OF RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES

Abstract. The article considers the basic syntactic means used to convey the emotion of joy in the prose of Russian and Serbian authors. The authors apply the comparative method to study the factors contributing to the use of expressive syntax to describe the emotional state of joy by the authors in question.

Keywords: joy, emotion, emotiveness, syntactic means of expression, fiction translation, Russian language, Serbian language.

Эмоции как одно из ключевых условий бытия человечества изучаются многими научными областями, среди которых – психология, философия, медицина, лингвистика и др. Но, на наш взгляд, наибольшее значение эмотивность имеет именно в художественной литературе. Поскольку сюжеты художественных произведений являются прямым отражением бытовой жизни, возникает справедливый интерес к исследованию тех выразительных средств языка, которые способствуют передаче человеческих настроений и эмоций.

Данная тема мыслится актуальной в связи с тем, что в последние десятилетия работа в указанном направлении набирает серьезное количество сторонников. Эмотивность – «значимая категория лингвистики» [13, с. 11] – представляет широкое поле деятельности для языковедов. Однако большее внимание уделяется негативным эмоциональным состояниям: страх и гнев. Эмоция *радости* мало изучена лингвистами – чаще выбирают состояния, близкие к радости, – счастье или удовольствие, что, на наш взгляд, продиктовано следующими обстоятельствами: если удовольствие, прежде всего чувственное, можно

получить в процессе принятия пищи, физической близости или созерцания игры животных, что может быть связано и с интересом к названным действиям, то радость – это эмоциональная реакция, которая может и не связываться с чувственным наслаждением, ее невозможно запланировать – трудно сказать, что именно доставит индивиду радость, заставит его испытать данное эмоциональное состояние. С другой стороны, счастье, на наш взгляд, – это состояние полного эмоционального удовлетворения всем, что происходит вне субъекта, но с чем он прямо или опосредованно связан: человек испытывает счастье по поводу сложившейся жизни детей, по поводу собственных успехов, которых субъект достигает через преодоление препятствий или путем приложения усилий, по отношению к обстоятельствам, сложившимся именно определенным образом.

В аспекте изучения сербского языка в сопоставлении с русским мы попытаемся выяснить, каковы различия в представлении эмоции радости сербскими и русскими писателями, в частности, какие синтаксические средства изображения при этом доминируют у авторов разных языков и культур.

Литература пестрит необъятным количеством эмоций, тем самым показывая динамичность отражаемой в тексте жизни. Жизнь героя произведения и жизнь реального человека сосуществуют параллельно, заимствуя друг у друга те или иные актуальные точки зрения, манеры поведения, эмоции и физиологические состояния. Творческая деятельность – это презентация писателем, художником переживаний, скрытых в его собственном сознании. «В художественном тексте сосуществуют различные эмотивные смыслы, что порождает богатство эмотивного содержания текста, его эмоциональное многоголосие, полифонизм эмоциональных тонов, отражающих сложную картину мира чувств, создаваемого автором» [4, с. 250]. Каждое художественное произведение – это самовыражение автора путем изображения образов героев, событий, действий. Здесь главенствующую роль играют как сами эмоции, так и средства их представления.

Совершенно очевидно, что языковая интерпретация тех или иных явлений в тексте будет отличаться в зависимости от принадлежности автора к определенной культуре и языку. Еще в первой половине XIX века В. фон Гумбольдт писал о том, что каждый язык обладает собственным мирозерцанием, отличным от остальных [6].

Одной из краеугольных проблем для автора произведения является выбор наиболее подходящих средств изобразительности для описания определенной речевой ситуации: от этого напрямую зависит и представление эмоций персонажей в тексте. По наблюдениям С. В. Коростовой, в русском языке художественный текст с эмотивным наполнением создается «за счет типичных синтаксических конструкций, потенциально способных выражать эмоциональное состояние субъекта речи» [9, с. 56].

Средства выразительности (далее: СВ. – Е. Н.) – это неотъемлемая часть художественной речи (устной и письменной), способствующая передаче настроения адресанта и адресата (или автора), их отношения к действительности, оценке речевой и неречевой ситуации. Как отмечает Б. Тошович, синтаксическая экспрессивность «настолько широка и разнообразна, что развилось особое грамматико-стилистическое направление для ее изучения – экспрессивный синтаксис» [12, с. 142]. К основным понятиям СВ лингвисты и литературоведы относят антитезу, анафору, эпифору, градацию, полисиндетон, синтаксический параллелизм, эллипсис, ряды однородных членов и др.

Ясно, что на выбор определенных СВ влияют как особенности самого языка, так и художественный стиль автора. «Эмоциональное состояние персонажа всегда эксплицировано: в речевом событии, участником которого является он сам, или в авторском представлении речевого или неречевого события, где эмоции героя переданы опосредованно» [8, с.109]. К примеру, Радий Погодин как в прозе вообще, так и в изображении радости, использует значительное количество парцелляций: *В дверь постучали – широко и радостно вошел король Филогерц. – Прелестная Хроникамара! – начал он восторженно. – Мы объявляем вас победительницей по проценту... с точки зрения... Конкурс «Прекрасный танец» отменяется. Зачем он? **Вы наша радость. Надежда королевства. Нимфа!*** [11].

Для Бориса Алмазова характерно широкое использование восклицаний: *Он стал пересчитывать завернутые в сукно иконы. – Пятнадцать? **Пятнадцать! Это же иконостас! Целый иконостас! Да!** – сказал он. – Это иконостас. **Может, его из Киева несли! Может, от татарского нашествия спасали! Боже мой!** <...> **Это же явно домонгольская живопись!*** [1].

Говоря о сербских писателях И. Андриче и М. Капоре, стоит отметить, что для их прозы более характерно описание окружения и событий, чем активных эмотивных проявлений радости героев, – сербская литература в большей степени называет саму эмоцию, чем передает ее какими-либо синтаксическими средствами выразительности. Существует и еще один фактор, повлиявший на результаты исследования: произведения Б. Алмазова и Р. Погодина относятся к детской литературе, в отличие от анализируемой литературы сербских писателей. Безусловно, это оставляет свой след, поскольку изображение эмоции радости будет более ярким и выразительным в детской литературе, что зависит от разности восприятия мира ребенком и взрослым человеком.

Итак, сопоставим на основе произведений русских и сербских авторов использование синтаксических средств выразительности. Наиболее часто встречаются в рассмотренном материале:

1. **Антитеза** (противопоставление). Этот вид СВ помогает автору показать контраст

между положительной и отрицательной эмоцией: *Сенька хотел, чтобы мысли его были веселыми, но они почему-то были другими. Так различаются облака весенние от осенних. И те, и те – белые. И те, и те по синему небу летят пушисто и тихо. Только от весенних облаков радость, а от осенних – другое* [11]. – ср. серб.: Prvi meseci posle očeve smrti bili su tužni ali veličanstveni kao muzika posmrtnog marša, koja je **tužna**, ali u isto vreme i **radosna** što je život takav da može i da živi i da smrtno tuguje [3]. *Первые месяцы после отцовой смерти были исполнены скорби и величавы, как музыка похоронного марша, в которой звучит и скорбь, но в то же время и радость оттого, что в этой жизни можно жестоко скорбеть и все-таки жить* [2].

2. **Риторические восклицания**, или эмоционально окрашенные предложения с обязательным интонационным оформлением эмоций [14, с. 276]. На наш взгляд, из всех видов СВ риторические восклицания наиболее наглядны и конкретны в плане демонстрации эмоции радости: – *Это наш детский дом. Нас не успели вывезти, и мы всю блокаду были в Ленинграде. Иногда к нам приходили солдаты или моряки. Приносили хлеб. Мама наша была совсем маленькая и радовалась: «Хлебушко! Хлебушко!».* А мы, ребята постарше, понимали, что это бойцы отдали нам свой дневной паек и на морозе в окопах сидят совсем голодные... [1]. – ср. серб.: – Видиш ти, што је везирска сила и памет, гдје оком погледа ту је хаир и берићет. – *И још ово није ништа*, – додаје онај весели и живахни хоџића, – *још ће он лепши бити. Видите ли како га тимаре и доћерују као коња за панађур!* [3] – *Вот что значит мудрость и сила визиря: куда кинет взгляд, там благодать и счастье! – Это еще что!* – не унимался веселый маленький мулла. – *То ли еще будет! Мост-то, видишь, как драят да прихорашивают, точно коня на ярмарку!* [2]. Как видно из примера, в оригинальном тексте эмоции героев изображаются сдержаннее, чем в переводном. Но мы понимаем, что персонажи испытывают определенные эмоции в связи с обсуждаемой ими ситуацией. Возможно, это «взаимопонимание» между читателем и персонажем заключено в самом тексте, в его лексическом наборе и синтаксическом построении. По мнению С. В. Коростовой, большая часть языковых единиц становится способна выражать эмоции именно в речи (в нашем случае – тексте), при этом обладая в языковой системе только потенциальной эмотивностью [10].

3. **Полисиндетон** (многосоюзиe) позволяет сделать причастными к эмоциональному состоянию окружающие предметы и явления. Нередко полисиндетон может переkreщиваться с градацией: *Погода была теплая. Снег подтаивал. Идти было скользко. Обрадованный Гульден скакал на Петрова и сбоку, и сзади, и на грудь* [11]. – ср. серб.: *Још у мраку и тескоби овог уског простора осећала се споља свежина кишиног јутра и сунчевог изласка. И напољу је владала необична тишина коју – за чудо! – није прекидао ниједан пуцањ, ни*

људски глас ни корак. Алихоџа је био испуњен осећањем среће и захвалности [3]. – Свежест дождливого рассвета проникала с улицы в полумрак тесной каморки. За ее стенами – о чудо! – установилась небывалая тишина, – не было слышно ни выстрелов, ни человеческих голосов, ни даже шагов. Чувство благодарности и счастья переполняло Алиходжу [2]. В данном случае эмоция радости является подразумеваемой автором и не находит своего формального (прежде всего, лексического) выражения, но приводимая конструкция служит доказательством того, что субъект может одновременно испытывать несколько эмоций.

4. **Эллипсис** – стилистическая фигура, заключающаяся в стилистически значимом <...> пропуске какого-либо члена или части предложения [14, с. 364]. Эллипсис в следующем примере указывает и на чувство радостного облегчения героя, связанного с удачным разрешением ситуации, и на чувство огорчения от вынужденного расставания с прошлой жизнью: – *Прощай, дорогой! – говорит Борис Степанович и прижимается лицом к голове коня. И они оба замирают. Панама готов заплакать. Борис Степанович целует коня в замшевые ноздри. Он бледен, и у него дрожат губы. – Бери. – Учитель вкладывает в руку Панамы повод. – Все хорошо. Все хорошо, я рад, что этот конь – тебе, а не кому-нибудь другому [1].*

Данный вид СВ в анализируемой сербской прозе не обнаружен.

5. **Синтаксический параллелизм** – конструктивный принцип устройства синтаксических конструкций, в частности стилистических фигур, заключающийся в тождественном построении синтаксических конструкций [14, с. 298]. Конструкции, построенные на принципе синтаксического параллелизма, описывают множество сходных, а порой и разнородных явлений, объединяя их в единое целое, отображаемое аналогичным образом. Следующий пример (из повести Р. Погодина «Ожидание» – Е. Н.) демонстрирует эмоцию девушки Вари, которая встречает утро в степи. Сквозь призму ощущений человека рассматривается общее радостное ощущение в природе: *Солнце сотрет все созвездия. А эта, утренняя звездочка становится ярче. Солнце взойдет с нею вровень, и она растает, как снежинка от живого дыхания. В дальних деревьях задымят трубы. Закричат ошалевшие от радости петухи. Зазвонит колокольцами неторопливое стадо [11].*

Данный вид СВ в анализируемой сербской прозе не обнаружен.

6. **Градация** – стилистическая фигура, состоящая из ряда словесных компонентов (не менее трех), <...> расположенных в порядке их возрастающей, или (реже) убывающей семантической и/или эмоциональной значимости, порождающей стилистический эффект [14, с.102]. Градация развивает силу эмоции, дает эффект «набегающей волны», причем может прогрессировать не одно эмоциональное состояние – возможно развитие или переход от

положительной эмоции к отрицательной и наоборот: *«Чего ради я мучаюсь? – думает Панама. – Все равно я никогда не научусь прыгать как Бычун. Да и зачем это? И без этого можно прожить. Вон папа вообще не умеет, а какой сильный! Выбрал я спорт какой-то несовременный! Умные ребята в фотокружок ходят, в радиокружок, а я как дурак – лошадей выбрал! Брошу, не могу я больше!»* Ему от этой мысли даже радостно стало [1]. – ср. серб.: *Показало се да се ниједним музичким инструментом, чак ни виолином, за коју су били мајстори Цигани, не може боље изразити суштина бића овог народа, понекад кроз крик, често кроз сузе, јецаје или промукли смех, а најчешће кроз обесне тактове народних кола, пуних разуздане радости* [7]. – Оказалось, что ни один музыкальный инструмент, даже скрипка, в которой цыгане были мастерами, не может лучше выразить суть бытия этого народа; *иногда через крик, часто через слезы, стоны и хриплый смех, но в основном через бешеные ритмы народных танцев, полных разнузданной радости* [Перевод наш – Е. Н.].

7. Ряд однородных членов предложения акцентирует внимание читателя на предметах, явлениях или ситуациях, стимулирующих возникновение данного эмоционального состояния у автора или персонажа: – *Летошним годом яблоков не было, – сказала старуха. – А нынче – ой, много! Урожай повсеместный. Яблоки к детям. Ой, много ребяток нынче народится. А ты, дитенок, чего же, погостить пришел? Ай, уже нагостился?* – *Нагостился, – сказал Васька, радуясь утру, старухе и разговору* [11]. – ср. серб.: *Сва мука и бес, сва лепота и туга, сва радост и музика, које се сакупе за годину дана у Србији, последње недеље августа шикну у небо кроз блистава грла труба на Сабору у Гучи* [7]. – *Все мучение и гнев, вся красота и печаль, вся радость и музыка, которые копятся в течение года в Сербии, в последнюю неделю августа брызжут в небо из сияющих горл труб на Фестивале в Гуче* [Перевод наш – Е. Н.].

Отметим также, что перевод иностранных текстов на русский язык сопровождается так называемой «вольностью» переводчика, т. е. некоторым несоответствием слов, словосочетаний, предложений. М. Г. Гашкова не считает ошибочным это несоответствие между оригиналом и переводом в некоторых случаях в связи с целью достижения «определенного стилистического или комического эффекта» [5]. Применительно к дескрипции радости стоит отметить, что изображение эмоции в оригинальном тексте может быть более сдержанным, нежели в переработанном. Это приводит либо к серьезному искажению смысла и сгущению красок при описании ситуации или же, напротив, наиболее полному воплощению замысла автора. В приведенном ниже примере мы обнаруживаем именно положительную сторону «вольности» переводчика. Сравним: серб.: *Прво што је угледао била је невелика, у жуту кожу повезана књига. Јако и топло осећање радости*

*прострујало му је целим телом; нешто од изгубљеног, људског и правог света који је остао далеко иза ових зидова, лепо али несигурно као сновиђење. Трепнуо је очима, али књига је стајала на месту и била заиста – књига [3]. – Первое, что он увидел, была небольшая книга в желтом кожаном переплете. **Сильное и теплое чувство радости разлилось по всему его телу. Книга!** Это было что-то из утраченной, настоящей человеческой жизни, оставшейся далеко за тюремными стенами, что-то прекрасное, но зыбкое, как сновидение. Он зажмурился, снова открыл глаза – книга лежала на прежнем месте, и это была действительно книга [2].*

Таким образом, средства выразительности при описании эмоций в разных языках и у каждого автора могут дифференцироваться. Мы наблюдаем зависимость употребляемых синтаксических (и не только) приемов от стиля писателя, языка, а также от деятельности переводчика. В сербском языке наибольшее распространение получили конструкции с антитезой, градацией, полисиндетоном. Отсутствуют такие средства, как параллелизм и эллипсис. Русская же эмоция в тексте представлена бóльшим набором синтаксических средств. Русский и сербский языки являются дальнеродственными, и потому различия между рассматриваемыми текстами вполне можно объяснить отличными друг от друга языковыми картинами мира писателей, особенностями народного сознания, культурными традициями. Сопоставление двух текстовых ментальностей на базе одного лишь синтаксического пласта ярко показывает степень своеобразия и богатства сравниваемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазов Б. А. Рассказы и повести [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litmir.co/a/?id=2349>.
2. Андрич И. Собрание сочинений на русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3356133>.
3. Андрич И. Сочинения на сербском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/doc132323318_111300018?hash=84de44b08c683c89a8&dl=45293640243ec5de95.
4. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – Москва – Екатеринбург, 2004. – 464 с.
5. Гашкова М. Г. Языковая игра в переводе как средство экспрессивизации // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 8 (15): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 32–34.
6. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

7. Капор М. Ивана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://serblang.ru/momo-kapor-ivana/>.
8. Коростова С. В. К вопросу об эмотивности художественного текста [Электронный ресурс] // Филология и человек. – 2015. – № 3. – С.116–122. – Режим доступа <http://elibrary.ru/item.asp?id=24633367>.
9. Коростова С. В. Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте: монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. – 224 с.
10. Коростова С. В. Эмотивность в диалоге и эмотивный диалог в русском художественном тексте // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 92–97.
11. Погодин Р. П. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1609015>.
12. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. – М.: Яз. славян. культуры, 2006. – 558 с.
13. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. – Изд. стереотип. – М.: ЛИБРОКОМ, 2015. – 144 с.
14. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 480 с.